

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

Государственное образовательное учреждение  
высшего профессионального образования  
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
ИМ. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

ОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ  
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

## **МИР ИСТОРИКА**

*Историографический сборник*

*Выпуск 5*



2009

## **Два слова об Учителе**

*С.П. Рамазанов:* Я учился в одной группе с Е.С. Кирсановой на историко-филологическом факультете Томского государственного университета. На нас обоих Генрих Кутдусович Садретдинов оказал сильное влияние. Восприятие нашего учителя в чем-то сходилось, в чем-то различалось. Но общим чувством была и остается любовь к Генриху Кутдусовичу.

Впервые я встретился с Г.К. на вступительных экзаменах в Томском университете. В экзаменационном билете был вопрос об экономическом развитии России в первой половине XIX в. Так бывает, что вопрос, который знаешь, вдруг выпадает из твоей памяти. И я начал рассказывать о похождениях Чичикова. Г.К. мне поставил «хорошо» за чувство юмора.

Чувство юмора было неотъемлемо от самого Г.К. Когда я писал у него курсовую работу на втором курсе в 1971 г. о понимании Циммерманом причин Крестьянской войны в Германии, я принес ему черновик. Г.К. был прекрасным стилистом и, не заметив кавычек в цитате Ленина, начал править фразу. А после того, как я указал на кавычки, он сказал: «Ленин революцию делал, и ему некогда было о стиле думать, а вас на факультете стилю учить надо».

А потом на консультации, где меня ждали двое моих друзей, разговор как-то перевелся на тему о пользе сухого вина. И Г.К. целый час с воодушевлением рассказывал и о пользе красного сухого, и о его марках, и об искусстве его выбирать.

В конце девяностых, когда я стал членом диссертационного совета в Омском университете, я часто бывал у него дома, где чувствовал его радушие хозяина. В Омске я увидел и необычайную любовь к Г.К. его студентов. На встрече с выпускниками не было более желанного преподавателя – его наперебой зазывали к себе выпускники всех лет.

В своей преподавательской деятельности Г.К. учил кропотливому и глубокому анализу исторических источников. Его увле-

чение медиевистикой приводило к тому, что читаемый нам курс по истории средних веков из-за нехватки времени так и не продвинулся за пределы XII в., когда Г.К. вел семинары по истории древнего Востока. половину времени мы посвятили разбору кодексов законов Хаммурапи. А на его семинарах по истории раннего средневековья все занятия были посвящены анализу Салической правды. Спецсеминар же Г.К. был организован так, что всю академическую пару мы обсуждали 15-минутный доклад студента.

Когда я, увлекшись на первом – втором курсах социологии, хотел писать курсовую работу по социологии на кафедре истории КПСС, Г.К. сказал, что лучше, чем на его кафедре истории древнего мира и средних веков, нигде не научат работе с источниками. А овладев методикой работы с ними, можно работать и в любой другой области исторического исследования. Я отказался от специализации на историко-партийной кафедре и за это искренне благодарен Генриху Кутдусовичу.

*Е.С. Кирсанова:* Для меня Генрих Кутдусович Садретдинов был и остается человеком, который оказал решающее воздействие на выбор той области научных интересов – историографии всеобщей истории, которой я со студенчества до настоящего времени продолжаю заниматься.

Когда в середине третьего курса мы должны были определить специализацию, то я, будучи студенткой группы по кафедре новой и новейшей истории, решила на ней и остаться. Получила тему по новейшей истории США. Мне предложено было найти ответ на вопрос: «Почему Э. Стивенсон, дважды баллотировавшийся на пост президента, так и не победил?» Для работы мне была вручена стопка книг из библиотеки преподавателя и рекомендовано просмотреть советские газеты тех лет, чтобы я понемногу собирала материал и к четвертому курсу была бы уже «в теме». Я принялась за работу. Но мне ещё надо было закончить и защитить курсовую, которую я выполняла под руководством Г.К. Садретдинова. Эта параллельная работа над двумя темами («Английская деревня в эпоху Тюдоров» А.Н. Савина и несостоявшийся американский президент) породила много вопросов и сомнений по поводу новой темы, её значимости, научности и т. д. А представления о принципах научной работы, её правилах уже

были известны от моего научного руководителя, Г.К. На первое место он ставил работу с первоисточниками, с текстами авторов, о которых пишешь, но их-то в новой теме у меня и не было. Получалось, что напишу я в лучшем случае компиляцию. А это слово звучало как ругательство в устах Г.К.

Когда он узнал о моем выборе, то мало того, что не одобрил, но при встречах на консультациях постоянно подтрунивал надо мной, интересуясь с иронией: «Ну, как там у Вас идут дела с описанием "тропы Хо Ши Мина"?» Я пыталась возражать, говорила, что я не занимаюсь Вьетнамом, Генрих Кутдусович был неумолим в своей язвительности. По его мнению, человеку способному заниматься наукой можно было только на кафедре истории древнего мира и средних веков, где основы научно-исследовательской работы были заложены А.И. Даниловым, его учителем и кумиром, все остальное – «тропы Хо Ши Мина».

В конце концов аргументы и насмешки Генриха Кутдусовича сделали своё дело, и я перешла на кафедру медиевистики, успешно выполнила две курсовые работы под его руководством по творчеству А.Н. Савина, твердо усвоив правила отношения к творчеству дореволюционных историков. Генрих Кутдусович любил повторять: «Забудьте "лакеев" и "приказчиков буржуазии", для Вас они – ученые, принесшие славу и признание отечественной медиевистике».

В конце четвертого курса он стал говорить, что передает меня Б.Г. Могильницкому, и так как я побаивалась его и пыталась возражать, то Генрих Кутдусович ответил: «Поймите, я мог бы и дальше быть Вашим руководителем в написании диплома, но так будет лучше для Вас, для Вашей будущей работы».

К Б.Г. Могильницкому Генрих Кутдусович относился с неизменным уважением и по отношению к нему выполнял функцию своеобразного «отдела кадров», высматривал способных к науке студентов и проводил свою агитационную работу. Так, он говорил об одном: «Ведь какая светлая голова! И что он будет делать на той кафедре? Надо бы его сюда, к нам».

Об историографии и особенно методологии я на третьем курсе имела весьма смутные представления, и, конечно же, в моем выборе сыграла роль личность наставника, самого Генриха Кут-

дусовича. А человек он был яркий, незаурядный, запоминающийся сразу. Сочетание волжского и московского говоров с необычайно звучавшим именем производило впечатление на студентов. Он сразу попросил нас правильно произносить его имя, добавив при этом: «Во мне нет ничего восточного, кроме фамилии». Мы сразу же между собой, естественно, стали называть его Генрихом.

Г.К. Садретдинов читал нам лекции по истории стран Азии и Африки (древний и средневековый период) и по истории раннего средневековья. Материала, конечно, было очень много, приходилось много записывать, так как зачеты мы сдавали не по учебникам, а по лекциям, которые несли в себе ярко выраженный исследовательский аспект. Так, он считал нужным говорить нам, что он не специалист по Востоку, но при этом вопросы освещал, как правило, в историографической перспективе. И несмотря на то, что в основном, конечно, преобладала социально-экономическая и политическая проблематика, умел делать отступления, проводить сравнения, приговаривая при этом, что «анalogии в истории – вещь скользкая», так как может вести к нарушению принципа историзма, но все-таки умело перекидывал «мостики» между разными эпохами и странами, возбуждая в нас неизменный интерес. Несомненно, что такое могло удаваться только человеку с большой эрудицией, причем не только профессиональной.

Мне хорошо запомнилась одна его лекция по средневековому Китаю. Генрих Кутдусович стал анализировать концепцию Н.И. Конрада о существовании «китайского возрождения», о «гуманизме», которые Китай пережил раньше, чем Западная Европа. Изложив доводы «за» и «против» этой концепции, он стал излагать факты истории Китая, а потом просто начал читать стихи китайских поэтов, не прибегая ни к каким записям и даже перестал их комментировать. Был солнечный майский день, и в аудитории главного корпуса звучал Ли Бо, Ду Фу... Генрих Кутдусович в своей обычной манере, расхаживая между рядами, читал «...к соседу, а не ко мне зонтик прошелестел...», а мы водили за лектором головами.

Конечно, он был прекрасный лектор. Он мог импровизировать. Для этого у него была эрудиция, эстетический вкус, дар слова. Г.К. считал, что и эти качества (эрудиция, вкус), помимо на-

выков исследовательской работы, должны развивать в себе студенты. Так, когда я на четвертом курсе вместе с группой студентов отправлялась по его рекомендации в свою первую командировку в Москву для работы в архивах и столичных библиотеках, наказ был такой – в первую очередь архив, а во вторую... – московские музеи, особенно Музей на Волхонке и театры. И тогда, и во всех последующих командировках я следовала этим наставлениям.

Как я сегодня понимаю, преподавательской манере Садретдинова был присущ момент своеобразной игры, которая заключалась в некотором «подкалывании», «подтрунивании» над студентами, которые «заводили» нас, и мы готовы были вступать в диалог с ним. Например, разбираем тему «Происхождение и источники рабства на Востоке». Вопрос: откуда брали рабов? Все молчат. Тогда Генрих Кутдусович поднимает хорошенькую, но слабенькую студентку и адресует вопрос ей, та молчит и, наконец, краснея, смущаясь и очень мило улыбаясь, почти шепчет: «На рынке покупали». Преподаватель развеселился: «Что же, их покупали, как картошку, что ли?» Группа начинает оживать, посмеиваться и вступает в разговор, переходя к обсуждению проблемы. Барьер снят. В конце занятия Генрих Кутдусович, как правило, делал «разбор полетов» и, не уставая подчеркивать, что мы – аудитория ещё темная и до студентов предыдущего набора нам ещё расти и расти, но и у нас наблюдаются «светлые головы», отмечал всех студентов, кто, независимо от количества сказанного, давал «дельные» ответы, высказывал свои соображения.

Многое импонировало нам в молодом преподавателе – его независимость в суждениях, ирония, острый, насмешливый ум, широкая эрудиция, интеллект – всё это как-то «проговаривалось» и в его общении со студентами, и в профессиональной деятельности. Ещё один случай. Как-то на лекции, как обычно, расхаживая между рядами, он заметил на краю стола томик Бодлера (огромная по тем временам редкость), полистал его и простодушно предложил студенту: «Отдайте его мне, зачем он Вам?» Тот покраснел, но отказался. Тогда Генрих Кутдусович вернул ему книжку со словами: «Только смотрите, опасайтесь, ведь это все-таки "Цветы зла"».

Неудивительно, что он был один из тех преподавателей, который нашему курсу врезался в память. Так, собираясь на студенческие вечеринки во время обучения в университете и по окончании его, мы первый тост провозглашали: «Ну что, за Генриха!»

Когда в относительно недавнем разговоре по телефону я рассказала ему об этой нашей традиции, он не поверил: «Да ну, что Вы, Катя, бросьте!», но потом как-то примолк.

Как хорошо, что я успела передать ему этот привет, нашу студенческую память и любовь. И для меня, когда я подписывала для Генриха Кутдусовича свою книжку, не было вопроса, что написать – «С благодарностью за первые незабываемые уроки историографического мастерства».

Спасибо, Генрих Кутдусович.